

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ, КОНСТРУКТИВНЫЙ И ДЕСТРУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ, КОММЕМОРАТИВНЫЕ ТРЕНДЫ

Аннотация. Дискуссия посвящена обсуждению концепта «войны памяти». Дискутанты обозначили свои позиции вокруг таких проблемных блоков современной исторической науки, как: возможно ли помнить о прошлом без конфликтов? Способна ли современная массовая (экранная) культура умиротворять «войны памяти»? Как соотносятся общественный дискурс и академическая полемика в «боях за историю»? Для этого они проанализировали статус акторов, институты и практики политики памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России, охарактеризовали методы и перспективы популярной геополитики в предметном поле *memory studies*, обозначили ключевые образы прошлого в культурно-историческом контексте этнополитики в постсоветской Кабардино-Балкарии, а также проиллюстрировали особенности конфликтов за статус в контексте «боев за прошлое» в черкесском сообществе этой республики.

Ключевые слова: историческая политика, историческая память, культурная память, *memory studies*, этнополитика, коммеморация, коммеморативные практики.

Вопросы дискуссии:

1. Возможно ли помнить о прошлом без конфликтов?
2. Как юбилейные события становятся памятными датами? Конструктивный и деструктивный потенциал в коммеморативных трендах и в стратегиях формирования идентичностей.
3. Способна ли современная массовая (экранная) культура умиротворять «войны памяти»?
4. Единомышленники, оппоненты или конкуренты: различны ли запросы на прошлое у государства и общества?
5. Как соотносятся общественный дискурс и академическая полемика в «боях за историю»: действующие лица, диапазон задач, арсенал средств и масштабы достижений?

Участники дискуссии:

Миллер Алексей Ильич, доктор исторических наук, профессор факультета истории, научный руководитель Центра изучения культурной памяти и символической политики, Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Боров Аслан Хажисмелович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр социально-политических исследований, Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

Азикова Юзанна Мартиновна, кандидат исторических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова.

Тумов Аскер Асланбекович, инженер отдела грантов управления по научно-исследовательской и инновационной деятельности, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова.

Струков Влад, PhD, доцент киноведения и цифровой культуры, Университет Лидса (Великобритания).

THE IMAGES OF THE PAST IN MODERN SOCIAL AND POLITICAL DISCOURSE: SOCIAL SIGNIFICANCE, CONSTRUCTIVE AND DESTRUCTIVE POTENTIAL, COMMUNATIVE TRENDS

Abstract. The discussion is devoted to the concept of “memory wars”. Discussants outlined their positions around problems of modern historical science. Is it possible to remember the past without conflict? Is modern mass (screen) culture capable of pacifying “memory wars”? How do public discourse and academic polemic compare in “battles for history”? In order to answer these questions, discussants analyzed the status of actors, institutions and practices of memory policy in the strategies for the formation of national and regional identities in Russia. Moreover, they described the methods and prospects of popular geopolitics in the subject field of memory studies, studied the history and ethnopolitics in post-Soviet Kabardino-Balkaria and illustrated the nature of conflicts for status in the context of “battles for the past” in the Circassian community of the republic.

Keywords: historical politics, historical memory, cultural memory, memory studies, ethnopolitics, commemorative, commemorative practices.

Discussion questions:

1. Is it possible to remember about the past without conflicts?
2. How do anniversary events become memorable dates? What is the constructive and destructive potential in commemoration trends and identity formation strategies?
3. Is modern mass (screen) culture capable of pacifying “wars of memory”?
4. “Like-minded”, opponents or competitors: are requests for the past different from the state and society?
5. How are public discourse and academic debate related in “fights for history” and what are the actors, range of tasks, arsenal of means and scale of achievements?

Participants:

Miller Alexey Ilich, Doctor of Science (History), Professor of the Faculty of the History, Scientific Head of the Center for the Study of Cultural Memory and Symbolic Policy, European University in St. Petersburg.

Borov Aslan Khazhismelovich, Candidate of Science (History), Leading Researcher of the Center of socio-political researches, Federal Scientific Center "Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences".

Azikova Yuzanna Martinova, Candidate of Science (History), Associate Professor, Kabardino-Balkan State University named after H.M. Berbekov.

Tumov Asker Aslanbekovich, Engineer of the Department of Grants of the Department of Research and Innovation, Kabardino-Balkan State University named after H.M. Berbekov.

Strukov Vlad, PhD, Associate Professor in Film and Digital Culture, University of Leeds (UK).

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СТРАТЕГИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В РОССИИ: АКТОРЫ, ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ

А.И. Миллер

Аннотация. Тенденции политики памяти в России рассмотрены в контексте изменения роли коммемораций в мировой политике. Обозначены основные участники, определяющие актуальную мемориальную повестку, и рассмотрены некоторые формы ее проявления в социально-политической практике. Изучены особенности формирования институциональной среды политики памяти в России. Анализируя динамику этого процесса, автор приходит к выводу, что использование в начале второго десятилетия XXI в. культурной памяти как пространства для диалога государства и институтов гражданского общества сменилось устойчивой тенденцией к огосударствлению политики памяти.

Ключевые слова: историческая политика, культурная память, «Бессмертный полк», «Последний адрес», «Возвращение имен».

Миллер Алексей Ильич, доктор исторических наук, профессор факультета истории, научный руководитель Центра изучения культурной памяти и символической политики, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1, литера А, amiller@eu.spb.ru.

THE POLICY OF REMEMBRANCE IN STRATEGIES OF FORMATION OF NATIONAL AND REGIONAL IDENTITIES IN RUSSIA: ACTORS, INSTITUTIONS AND PRACTICES

A.I. Miller

Abstract. Trends in the memory policy in Russia are considered in the context of changing the role of comemoration in world politics. The main participants defining the current memorial agenda are identified and some forms of their manifestation in social and political practice are considered. Peculiarities of formation of institutional environment of memory policy in Russia were studied. Analyzing the dynamics of this process, the author concludes that the use of cultural memory as a space for dialogue between the State and civil society institutions at the beginning of the second decade of the twenty-first century has been replaced by a steady trend towards the state memory policy.

Keywords: Historical politics, cultural memory, Immortal Regiment, Last Address, Return of Names.

Miller Alexey I., Doctor of Science (History), Professor of the Faculty of the History, Scientific Head of the Center for the Study of Cultural Memory and Symbolic Policy, European University in St. Petersburg, letter A, 6/1, Gagarin St., St. Petersburg, 191187, Russia, amiller@eu.spb.ru.

В последние годы происходят принципиальные изменения в понимании роли культурной памяти в сфере политики, а также задач и принципов ее изучения. Пожалуй, наиболее масштабная и системная попытка переосмыслить подходы к изучению памяти была предпринята группой авторов, которые опубликовали статью о третьей волне «memory studies» [Feindt, 2014, p. 24–44]. Вместо того, чтобы говорить, как Пьер Нора, о «памяти», они предлагают говорить о «памятях». Процесс производства памяти они предлагают рассматривать как часть процесса производства идентичностей и формирования групп, вместо того, чтобы видеть этот процесс как плод деятельности уже оформленных групп [Feindt, 2014, p. 25–26]. Если прежде, даже говоря о политике памяти, обсуждали, главным образом, стратегии построения нарратива, выбор ключевых для такого нарратива мест памяти, способы продвижения этого нарратива посредством музеев, памятников, учебников, праздничных дней и т.д., то теперь акцент сместился на конфликты нарративов, на борьбу за музеи, памятники и так далее. Как следствие, в фокусе внимания исследователей должны оказаться акторы и институты, рассматриваемые и как «организации», и как устойчивые практики, а также их взаимодействие в широко понятых процессах коммеморации [Feindt, 2014, p. 27].

Признание политики памяти частью сферы политического неизбежно ставит и вопрос о ролях исследователя политики памяти, а также историка как производителя знаний о прошлом, в этих взаимодействиях. Как активные члены общества, вовлеченные в политические и идейные конфликты, ученые также становятся участниками политики памяти. Это особенно отчетливо видно в современной ситуации, когда конфликты и войны памяти часто выходят на первый план политической повестки дня – будь то споры об интерпретации событий прошлого, от Второй мировой войны до войны Севера и Юга в США, или споры о судьбе казавшихся до недавнего времени неоспоримыми либеральной демократии и глобализации. Яркий пример такой политической вовлеченности – недавняя статья в «Memory Studies», где авторы описывают современную ситуацию в Америке и Европе как угрозу возрождения фашизма, и прямо постулируют политические задачи и «обязанности» исследователей памяти [Levi, Rothberg, 2018, p. 355–367]. Подобный алармизм и откровенная политическая ангажированность не редкость в социальных сетях, но теперь мы все отчетливее видим эти явления на университетских кампусах и на страницах ведущих научных журналов.

Проявившиеся в Европе в начале XXI в. тенденции усиления вовлеченности политических акторов и ускорения формирования институциональной среды политики памяти в России сработали с некоторым запозданием. И, конечно, не без местной специфики. Филипп Бюргер, изучивший государственные пятилетние программы патриотического воспитания, принятые в России в 2005, 2011 и в 2015 годах, показывает, что первая программа почти целиком полагалась на деятельность министерства по делам печати и министерства культуры, следующая направляла значительную часть финансирования в адрес созданных к тому времени довольно многочисленных специализированных правительственных агентств, а примерно с

2010 г. идет активный процесс создания тесно связанных с властью НПО, занимающихся этой проблематикой [Bürger, 2016, p. 172–192]. Политика памяти, особенно коммеморация военных подвигов, неизменно занимают центральное место в деле патриотического воспитания. Именно на рубеже первого и второго десятилетия XXI в. происходит резкая интенсификация процесса институционализации политики памяти в России, которая до тех пор явно отставала в этой сфере от большинства своих соседей.

Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, просуществовавшая с 2009 по 2012 г., не оставила значимого следа, кроме имиджевого ущерба. Но в 2012 г. были учреждены два всероссийских общества, тесно связанных с властью – Российское Историческое Общество (РИО) и Российское Военно-Историческое Общество (РВИО). По состоянию на сегодня можно констатировать, что РВИО, созданное прямым указом Президента [Указ № 1710..., 2012], существенно опережает РИО в своем институциональном развитии, создав отделения во всех субъектах федерации, и обеспечив им мощную поддержку в региональных органах власти. РВИО выступает патроном для сотен патриотических организаций и реконструкторских объединений, и действует в той сфере политики памяти, где государству легче всего достичь взаимопонимания с обществом – коммеморация военных героев всегда была ключевым элементом национальной идентичности не только в России [Hutchinson, 2017].

РИО при этом отвечала за перестройку другой важной институциональной сферы политики памяти – преподавания истории в школе. Создание «Историко-культурного стандарта», инициированное Президентом также в 2012 г., дало возможность жестче контролировать преподавание истории, в том числе и так называемую «региональную составляющую». Вообще, вопрос сочетания общегосударственного большого нарратива и локальных, групповых нарративов – один из центральных в современной политике памяти в России.

Второй после государства по масштабу и влиянию актор в области политики памяти, тесно сотрудничающий с властью, но имеющий собственную повестку – Русская православная церковь. РПЦ располагает целой сетью епархиальных музеев, и под ее контролем находится целый ряд мемориалов, связанных с политическими репрессиями, в том числе Бутовский полигон. РПЦ выигрывает соревнование с «Мемориалом» в области коммеморации жертв репрессий.

Осенью 2013 г. в Манеже начала работать выставка «Православная Русь. Романовы», которую можно считать первым шагом в процессе создания серии тематических парков «Россия – моя история». Роль РПЦ в начальной стадии этого проекта была центральной. В павильоне ВДНХ первые части экспозиции открылись в 2015 г., а решение о создании региональной сети парков было принято в 2016 г. Патронат РПЦ над этим новым институтом постепенно дополнялся участием РВИО.

Специального изучения заслуживает соотношение общего и регионального в тематических парках. Региональной составляющей отводится более 20% экспозиции. Девятнадцать уже открытых парков, особенно те, что расположены в Казани, Якутске, Махачкале, Ростове, Краснодаре, Ставрополе, являются площадками, где происходит эксперимент по сопряжению общегосударственного большого нарратива с местными нарративами, имеющими этническую или групповую специфику.

Интересные процессы происходят в области медиа. В последние годы в России впервые сложилась система научно-популярных журналов по истории, в которой консервативный фланг представлен «Историком», либеральный «Дилетантом», а «Родина» занимает позицию в центре. Строго говоря, эти журналы уже не вполне «традиционны» – число их посетителей в социальных сетях больше, чем число читателей бумажной версии. Активно развиваются новые, характерные только для Интернета, медийные формы, например, блоги. В условиях, когда количество просмотров рецензии на очередной фильм на исторический сюжет нередко превышает, как, например, у VadComedian, число зрителей, видевших фильм в кинотеатрах, недооценивать влияние таких новых медиа было бы большой ошибкой. Сфера Интернета, при всех стараниях властей, вообще трудно поддается регулированию, это касается и политики памяти.

При анализе тенденций в сфере институционализации политики памяти, наряду с усилением роли государства, которое выражается в возникновении большого числа тесно связанных с властью НПО, резком сокращении возможностей негосударственного финансирования, и так далее, важно увидеть и определенные ограничения, с которыми сталкиваются власти в своих попытках укрепления контроля за этой сферой. Один из примеров таких ограничений – «Бессмертный полк». Особенность этой инициативы в том, что она позволяет копировать модель, и, как следствие, рядом с уже «огосударственными» структурами опять возникают новые автономные, которые «защищены» институционализацией «Бессмертного полка», то есть превращением этой инициативы в устойчивую и легитимную социальную практику [Gabowitsch, 2016, p. 297–314]. Другой пример это «Последний адрес», выстроивший систему финансирования, которая позволяет поддерживать деятельность инициативы без государственных субсидий. (Хотя некоторые государственные деньги эта организация и получает.) Интересно, что недавняя финансовая проверка, в которой лидер «Последнего адреса» Сергей Пархоменко видел первый шаг к закрытию инициативы, оказалась просто проверкой. Здесь возникает вопрос об издержках попыток препятствовать деятельности таких устойчивых практик – институтов. Они оказываются неожиданно высоки, и заставляют власти отступать. Самый яркий пример такого рода – попытка московских властей вытеснить с Лубянской площади под предлогом ремонтных работ церемонию «Возвращение имен». «Мемориалу», который более 10 лет, начиная с 2007 г. организовывал эту церемонию у «Соловецкого камня», было предложено перенести ее к памятнику жертвам политических репрессий на проспекте Сахарова. Это вызвало взрыв негодования в социальных сетях, и стало понятно, что многие люди, даже

не ходившие регулярно на эту церемонию, на этот раз придут на Лубянку с готовностью участвовать в гражданском неповиновении. Власти быстро уступили [Власти Москвы..., 2018]. В этом случае мы видим, как сугубо общественная устойчивая практика получила такую санкцию времени и общественное признание, что даже не запрет ее, но попытка ее вытеснения с традиционного места оказалась чревата для властей настолько большими издержками, что они отказались от этого плана. Вероятно, «Последний адрес» тоже уже можно отнести к категории таких устойчивых практик – институтов. И, конечно, это относится к «Мемориалу», который выдержал длительное давление властей и добился отмены требования признать себя иностранным агентом [Минюст не включил..., 2019].

Другое важное измерение историй с «Возвращением имен» и «Последним адресом» – это принципиальное различие стратегий коммеморации по сравнению с государственными инициативами. На масштабном мемориале «Стена скорби» на проспекте Сахарова, представляющем стену безликих фигур, можно найти лишь два имени – скульптора Георгия Франгуляна и президента РФ Владимира Путина, по чьему указу, как сказано в пояснительной табличке, был установлен этот мемориал. Но именно индивидуальность жертв, их имена оказываются в фокусе «Последнего адреса» и «Возвращения имен», а также в мемориале в Бутово, установленном на общественных средства и открытом в 2017 г., и в мемориале «Стена памяти», созданном «Мемориалом» в 2018 г. на средства Фонда «Увековечения памяти жертв политических репрессий» на бывшем специальном объекте НКВД «Коммунарка». По состоянию на сегодня индивидуализация жертв оказывается свойством инициатив, родившихся «снизу», а отсутствие индивидуального компонента характерным признаком государственной традиции мемориализации [С.М., 2019].

2012 г. стал рубежом, когда институциональная сцена политики памяти в России приобрела новые очертания. В этом году созданы РИО и РВИО, начата работа над историко-культурным стандартом, начата работа над проектом, который превратится в тематические парки Россия моя история. В 2012 г. был принят закон об иностранных агентах, создавший принципиально иную среду для функционирования НПО, в том числе тех, которые занимаются политикой памяти. В том же 2012 г. родилась инициатива «Бессмертный полк», годом позже – «Последний адрес».

Следующей важной вехой стал рубеж 2013–2014 гг., когда в результате кризиса вокруг Украины и присоединения Крыма резко ужесточился политический контроль за публичной сферой. Жертвой стали несколько важных инициатив, предполагавших партнерство общества и государства. Программа коммеморации жертв политических репрессий, подготовленная в СПЧ и уже утвержденная летом 2013 г., была свернута [Миллер, 2014, с. 49–57]. В это же время московские власти резко утратили первоначальный энтузиазм в отношении инициативы «Последний адрес». «Последний адрес» выжил как сугубо общественная инициатива, а программа коммеморации была реанимирована в 2015 г., но элемент общественной инициативы в ней стал едва различим.

Власти теперь полагались на «свои» НПО, прежде всего РВИО, которое собирало под свое крыло десятки, если не сотни, организаций, которые понимали свои патриотические задачи в гармонии с патроном. Вдохновленные успехом выставок, организованных в 2013 г. по инициативе Патриаршего совета по культуре под руководством епископа Тихона (Шевкунова), власти приняли решение превратить их в постоянно действующий тематический парк. Идея использовать культурную память как пространство для диалога и сотрудничества с оппозиционными сегментами общества, которая была отчетливо видна в начале второго десятилетия XXI в., сегодня практически сошла на нет.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Власти Москвы предложили перенести на проспект Сахарова акцию «Возвращение имен» // *Ведомости*. 2018. 20 октября. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/10/20/784196-vozvrashchenie-imen> (дата обращения – 07 июня 2019 г.).

Миллер А. Политика памяти в России – год разрушенных надежд // *Полития*. 2014. № 4. С. 49–57.

Минюст не включил НИПЦ «Мемориал» в реестр иностранных агентов // *Сайт Международного Мемориала*. 2019. 12 февраля. URL: <https://www.memo.ru/ru-ru/memorial/departments/intermemorial/news/235> (дата обращения – 07 июня 2019 г.).

С.М. Петербуржец записывает на аудио имена жертв блокады // *Петербургский дневник*. 2019. 21 июня. URL: https://spbndevnik.ru/news/2019-06-21/peterburzhets-zapisyvaet-na-audio-imena-zhertv-blokady?fbclid=IwAR16NI3xYLjoYpbC7s--3e78Mq7CXGsyQdLvMAsnGvxCmcA5t6MIOep3X_4 (дата доступа – 24 июня 2019 г.).

Указ № 1710 от 29 декабря 2012 г. // *Сайт Российского военно-исторического общества*. URL: <https://rvio.histrf.ru/officially/ukaz-1710> (дата обращения – 07 июня 2019 г.).

Bürger P. State Programs, Institutions and Memory in Russia // *Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia* / Ed. by M. Brusis, J. Ahrens, M.S. Wessel. London: Palgrave Macmillan, 2016. Pp. 172–192.

Feindt G. *Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies* // *History and Theory*. 2014. Vol. 53. № 1. Pp. 24–44.

Gabowitsch M. Are copycats subversive? Strategy-31, the Russian Runns, the Immortal Regiment, and the transformative potential of non-hierarchical movements // *Problems of post-communism*. 2016. Vol. 65. Pp. 297–314. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10758216.2016.1250604> (дата обращения – 07 июня 2019 г.).

Hutchinson J. *Nationalism and War*. N.Y. Oxford University Press, 2017. 240 p.

Levi N., Rothberg M. Memory studies in a moment of danger: Fascism, postfascism, and the contemporary political imaginary // *Memory Studies*. 2018. Vol. 11(3). Pp. 355–367.

REFERENCES

- Vlasti Moskvy predlozhili perenesti na prospekt Saharova akciju "Vozvrashhenie imen" [Moscow authorities proposed to transfer to Saharov Avenue the action "Return of names"], in *Vedomosti*. 2018. 20 oktjabrja. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2018/10/20/784196-vozvrashchenie-imen> (accessed 07 June 2019).
- Miller A. Politika pamjati v Rossii – god razrushennyh nadezhd [The Politics of Remembrance in Russia Is a Year of Broken Hopes], in *Politija*. 2014. № 4. Pp. 49–57 (in Russian).
- Minjust ne vkljuchil NIPC "Memorial" v reestr inostrannyh agentov [Ministry of Justice did not include NIPC Memorial in the register of foreign agents], in *Sajt Mezhdunarodnogo Memoriała*. 2019. 12 fevralja. Available at: <https://www.memo.ru/ru-ru/memorial/departments/intermemorial/news/235>. (accessed 07 June 2019).
- S.M. Peterburzhec zapisyvaet na audio imena zhertv blokady [St. Petersburg records on audio the names of the victims of the blockade], in *Peterburgskij dnevnik*. 2019. 21 ijunja. Available at: https://spbndevnik.ru/news/2019-06-21/peterburzhets-zapisyvaet-na-audio-imena-zhertv-blokady?fbclid=IwAR16NI3xYLjoYpbC7s--3e78Mq7CXGsyQdLvMAsnGvxCmcA5t6MIOep3X_4 (accessed 24 June 2019).
- Ukaz № 1710 ot 29 dekabrja 2012 g. [Decree № 1710 of 29 December 2012] in *Sajt Rossijskogo voenno-istoricheskogo obshhestva* Available at: <https://rvio.histrf.ru/officially/ukaz-1710> (accessed 07 June 2019).
- Bürger P. State Programs, Institutions and Memory in Russia, in *Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia* / Ed. by M. Brusis, J. Ahrens, M.S. Wessel. London: Palgrave Macmillan, 2016. Pp. 172–192.
- Feindt G. Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies, in *History and Theory*. 2014. Vol. 53. № 1. Pp. 24–44.
- Gabowitsch M. Are copycats subversive? Strategy-31, the Russian Runs, the Immortal Regiment, and the transformative potential of non-hierarchical movements, in *Problems of post-communism*. 2016. Vol. 65. Pp. 297–314. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10758216.2016.1250604> (accessed 07 June 2019).
- Hutchinson J. *Nationalism and War*. N.Y. Oxford University Press, 2017. 240 p.
- Levi N., Rothberg M. Memory studies in a moment of danger: Fascism, postfascism, and the contemporary political imaginary, in *Memory Studies*. 2018. Vol. 11(3). Pp. 355–367.

ИСТОРИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА В ПОСТСОВЕТСКОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

А.Х. Боров, Ю.М. Азикова

Аннотация. В статье рассмотрены историко-политические факторы социальной ситуации в КБР в конце XX–начале XXI в. Обращается внимание на то, что основные темы и линии напряженности в историко-политическом дискурсе являются проекцией проблем, связанных с поддержанием внутреннего равновесия между различными уровнями личной и групповой идентичности у представителей «титულных» народов — этническим (кабардинским или балкарским) и республиканским («кабардино-балкарским»). Охарактеризованы трактовки причин и последствий депортации балкарского населения Кабардино-Балкарии в 1944 г. и последующего решения проблем его реабилитации, а также — историческая природа Кавказской войны и проблематика современного «черкесского вопроса». Делается вывод, что эти вопросы в концентрированном виде воспроизводятся в сознании и профессиональных занятиях гуманитарной интеллигенции, а публичное звучание и мобилизующий потенциал они получают в активности национальных движений, которые являются носителями определенных этнополитических программ или проектов.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарская республика, кабардинцы, балкарцы, историческая память, этнополитические процессы, депортация, «черкесский вопрос», Кавказская война.

Боров Аслан Хажисмелович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр социально-политических исследований, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», 360051, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18, aslan-borov@mail.ru.

Азикова Юзанна Мартиновна, кандидат исторических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 360004, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173, azik-uu.84@mail.ru.

HISTORY AND ETHNO-POLITICS IN POST-SOVIET KABARDIN-BALKARIA

A.Kh. Borov, Yu.M. Azikova

Abstract. The author considers historical and political factors of the social situation in the KBR at the end of the XX–the beginning of the XXI century. Attention is drawn to the fact that the main topics and tension lines in historical and political discourse are a projection of problems related to maintaining the internal balance between different levels of personal and group identity among representatives of “titular” peoples – ethnic (the Kabardinians or the Balkars) and republican (“Kabardin-Balkarian”) identities. The interpretations of the reasons and consequences of the deportation of the Balkar population of Kabardin-Balkaria in 1944 and the subsequent solution of the problems of its rehabilitation are described, as well as the historical nature of the Caucasus War and the content of the modern “Circassian question”. It is concluded that these issues are concentrated in the consciousness and professional activities of the humanitarian intelligentsia, and they receive public response and mobilizing potential in the activity of national movements, which are the bearers of definite ethnopolitical programs and projects.

Keywords: Kabardin-Balkar Republic, the Kabardians, the Balkars, historical memory, ethnopolitical processes, deportation, “Circassian question”, Caucasian War.

Borov Aslan Kh., Candidate of Science (History), Leading Researcher, Center of Socio-political Researches, Federal State Budget Scientific Institution “Federal Scientific Center Kabardino-Balkan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, 18, Pushkin st., Nalchik, Kabardino-Balkan Republic, 360051, Russia, aslan-borov@mail.ru.

Azikova Yuzanna M., Candidate of Science (History), Associate Professor, Kabardino-Balkan State University named after H.M. Berbekov, 173, Chernishevsky st., Nalchik, Kabardino-Balkan Republic, 360004, Russia, azik-uu.84@mail.ru.

В качестве характерных черт кавказской политики достаточно давно были отмечены чрезмерная полицентричность – множественность локальных центров и субъектов политики, большинство из которых описывается в этнических и субэтнических категориях, и «своеобразный гиперисторицизм – чрезмерная актуализация тех элементов исторического наследия, которые были прочно удержаны и мифологизированы народной памятью и политическим сознанием» [Панарин, 2002, с. 109]. В условиях трансформаций постсоветского периода этничность как «весьма архаичный модус самоопределения» резко актуализировались в качестве наиболее устойчивой и надежной основы личной и групповой самоидентификации [Драгунский, 1993, с. 24]. На Северном Кавказе этот процесс с неизбежностью приобрел весьма интенсивный характер. Здесь этничность в меньшей степени базируется на культурно-отличительных чертах той или иной группы, а в большей – на сознании укорененности каждой из них на определенной территории, на связи «земли и людей». В этом контексте каждая – пусть самая малочисленная этническая группа находит основания для притязания на «равенство» с любой другой – пусть самой многочисленной группой, причем речь идет не о равенстве прав индивидов, а именно о равном статусе коллективов. А кардинальные трансформации, связанные с крушением советской государственной и общественной системы, воспринимались как определение «изначального вклада» – территориальных, политико-правовых, экономических и прочих ресурсов, от которых зависят относительные позиции (или даже самосохранение) этнических групп [Оффе, 1996].

Специфические условия, которые в значительной степени предопределяли особую значимость этнополитических и историко-политических факторов развития постсоветской социальной ситуации были налицо и в Кабардино-Балкарской Республике. Они связаны со сложной этнодемографической структурой республики. Этническая пестрота характерна сегодня для многих регионов России, в Кабардино-Балкарии она формировалась исторически. Доля трех основных национальных групп – кабардинцев, балкарцев, русских – устойчиво держится на протяжении столетия на уровне около 90% населения республики, причем доля двух первых, «титulyных» групп выросла с 57,2% в 1989 г. до 69,6% в 2010 г.

Содержание этнополитики в КБР исторически сводилось к борьбе вокруг тех или иных форм институционализации этничности, способных поддерживать взаимоприемлемый баланс интересов, прежде всего, «титulyных» национальных групп. При формировании советской автономии в начале 1920-х гг. предусматривались их административно-территориальное разграничение и формальное закрепление норм представительства в составе областного исполкома советов. Дальнейшее развитие конституционно-правовой основы национальных автономий и национальной политики в СССР оставило место только для системы негласного этнического квотирования номенклатурных должностей в партийном, советском и управленческом аппарате. Вопросы формального политико-правового определения места каждого из «коренных» народов Кабардино-Балкарии в ее территориальной

структуре и системе властных институтов вновь выдвинулись на первый план в условиях распада советской государственности и «суверенизации» автономий в начале 1990-х гг. Соответствующий политико-правовой «синдром» в исчерпывающем виде был представлен в Декларации о государственном суверенитете КБ ССР от 30 января 1991 г. [Декларация, 1994, с. 59–64]. Зафиксированные в ней представления о Кабардино-Балкарской Республике как воплощении «национальной государственности» кабардинского и балкарского народов, выступающих в качестве «субъектов» в сфере «межнациональных отношений» устойчиво воспроизводятся в массовом сознании, в структурах личной и групповой идентичности. Но все развитие конституционно-правовых оснований существования КБР как субъекта Российской Федерации, начиная от принятия Конституции РФ 1993 г. и вплоть до последнего времени, несло в себе последовательное устранение признаков «национальной государственности» [Шагапсоев, Тенгизова и др., 2011]. Ни Конституция КБР, ни структура представительных органов власти, ни административно-территориальное устройство, ни избирательная система республики не включают в себя никаких организационных и процедурных элементов, позволяющих говорить об институционализации этничности.

В этих условиях семантика и синтаксис этнополитического дискурса строятся на материале истории. Линии напряженности, присутствующие в нем, не столько отражают реальные проблемы национального существования, сколько являются проекцией проблем поддержания внутреннего равновесия между различными уровнями личной и групповой идентичности – этническим (кабардинским или балкарским) и республиканским («кабардино-балкарским»). И те, и другие испытывают потребность в подтверждении своего неотъемлемого полноправия как носителей «национальной государственности», ее субъектов. Любые исторические сюжеты, трактовки которых способны поставить под сомнение понимаемое таким образом полноправие того или другого народа становятся предметом перманентных, порой ожесточенных дискуссий [Казенин, 2012].

Прежде всего (логически и исторически) это относится к вопросу о том, кто является исконным насельником территории республики, а кто – более поздним пришельцем.

Вторая группа историко-политических интерпретаций связана с вопросом о взаимоотношениях кабардинцев и балкарцев до вхождения их в состав России и с оценками культурно-исторической и политической значимости прошлых достижений того или другого народа.

Третий проблемный узел в историко-политическом дискурсе образуют вопросы, стоящие ближе к современности. Они связаны с формированием этнотерриториальной и этнополитической организации административных и политико-административных единиц Российского государства, которые объединяли кабардинцев и балкарцев как в имперский, так и в советский период – округа, автономной области, автономной республики.

Когда предлагаются «кабардинские» или «балкарские» интерпретации по первым двум группам проблем, они как правило, вызывают взаимные подозрения в стремлении «монополизировать» территорию республики, величие и славу прошлого и тем самым поставить под сомнение право другой стороны на достойное место в исторической и современной Кабардино-Балкарии.

На первый взгляд эти вопросы могли бы быть интерпретированы в категориях групповых интересов, служить предметом договоренностей и компромиссов. Однако даже неполитическая, культурническая деятельность национальных движений по поддержанию национальных ценностей и традиций, исторической памяти стимулирует творческую активность этнопублицистов, которые склонны к эмоциональным и преувеличенным оценкам культурно-исторической значимости своих народов, что зачастую порождает ревнивую реакцию со стороны их коллег из другого этнического «лагеря».

В итоге вся сфера историко-политического дискурса в Кабардино-Балкарии демонстрирует признаки того, что М.Х. Росс обозначил понятиями психокультурной интерпретации и психокультурной драмы. Психокультурные интерпретации по Россу – это разделяемое группой и глубоко укорененное мировидение, которое придает осмысленность повседневному существованию группы и удовлетворяет психологическую потребность в объяснении отношений группы с другими группами, их действий и мотивов. Проявляются они в групповых нарративах, повествующих о происхождении, истории и конфликтах с чужаками, а также в символическом и ритуальном поведении группы. Часто очень легко отбросить принятые группой объяснения как некорректные или иррациональные, а потому несостоятельные рассказы «вот как это было», но делать это также глупо, как глупо психоаналитику говорить пациенту, что тот просто пересказывает дурацкий сон.

Психокультурные драмы – это конфликты между группами по поводу конкурирующих и явно не поддающихся разрешению взаимных притязаний, которые касаются центральных элементов исторического опыта и идентичности каждой группы и которые порождают подозрения и опасения по отношению к оппоненту. Психокультурные драмы – это поляризующее обсуждение «не подлежащих обсуждению» культурных притязаний, угроз и/или прав, которые важны поскольку относятся к групповым нарративам и сердцевинным метафорам групповой идентичности [Ross, 2001, p. 159]. В результате происходит постоянная «подпитка» этноцентристских установок и восприятий в обществе, оказывающих давление на профессиональных историков [Азикова, 2013].

Социально-психологические механизмы психокультурных интерпретаций и драм с наибольшей очевидностью срабатывают в связи с актуализацией в общественном и научном дискурсе двух сюжетов: во-первых – обстоятельств и последствий депортации балкарского населения Кабардино-Балкарии в 1944 г. и проблем его последующей реабилитации; во-вторых – трактовки исторической природы и последствий Кавказской войны для адыгов и современного «черкесского вопроса».

При исследовании влияния депортации на все этнополитическое развитие в регионе, прежде всего, речь идет о демографических потерях. Акцентируется, что под прямую угрозу было поставлено само национальное существование балкарского народа, поскольку переселение было проведено навечно, без права возврата к прежним местам жительства. Кроме того, на протяжении целого ряда лет каждый балкарец испытывал сильное и острое чувство несправедливости и национального унижения. Все это сообщило этносоциальному опыту балкарцев элемент исключительности, а в эмоциональном балансе, связанном с сознанием принадлежности к карачаево-балкарскому этносу, закрепилось явно выраженное чувство обиды [Маремшаова, 2003, с. 93–94].

Процесс восстановления прав и возвращения депортированных народов в родные места был начат постановлением ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». В нем массовое выселение целых народов характеризовалось как грубое нарушение основных принципов национальной политики партии. Ставилась задача «полной реабилитации необоснованно выселенных народов и восстановления их равноправия среди других наций Советского Союза», что подразумевало необходимость «восстановить их национальную автономию» [Балкарцы, 2001, с. 147–150]. Вытекающие из этого политико-правовые, организационные, экономические и иные меры относительно балкарского народа были осуществлены в основном на протяжении 1957–1960 гг.

Восстановление политического статуса, возвращение к местам проживания, полное равенство с другими народами в гражданских правах, создание необходимых условий для дальнейшего развития национальной культуры — все это в совокупности означало реабилитацию репрессированного балкарского народа. Но эта его «первая реабилитация» была по преимуществу реабилитацией социальной, тогда как ее нравственно-политическое и национально-психологическое содержание оказалось приглушенным.

Именно эти аспекты проблемы выступили на первый план в условиях крушения государственной и общественной системы советского социализма. 4 ноября 1989 г. была принята Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». В ней провозглашалась необходимость «принять соответствующие законодательные меры для безусловного восстановления прав всех советских народов, подвергшихся репрессиям» [Верховный Совет..., 1989].

Декларация о государственном суверенитете КБССР, принятая Верховным Советом республики 30 января 1991 г., содержала положения о построении работы Верховного Совета КБССР на основе «функционирования двух равноправных палат — палаты республики и палаты национальностей, которая формируется на паритетной основе», а также о необходимости решения «вопросов о восстановлении

административных районов Кабардино-Балкарии, существовавших к марту 1944 г., с учетом сложившихся социально-экономических, демографических и других условий» [Декларация, 1994, с. 61, 62]. В целом Декларация могла стать основой приемлемого и упорядоченного процесса государственно-политических преобразований. Но в условиях глобального политического кризиса идущего к своему распаду СССР, высокой степени неопределенности политических перспектив для Кабардино-Балкарии и выдвижения национальными движениями несовместимых этнополитических программ, органы государственной власти республики оказались неспособны реализовать заложенные в республиканских и российских политико-правовых актах принципы решения вопросов реабилитации балкарского народа. Дело закончилось провозглашением на съездах балкарского и кабардинского народов 17 ноября 1991 и 10 января 1992 г. Республики Балкария и Кабардинской республики. Центральное место в политическом процессе заняли практически неразрешимые проблемы территориального разграничения провозглашенных национально-государственных образований.

Политическая стабилизация и в стране, и в республике была достигнута к началу 1994 г. Стало возможным осуществление ряда символических и реальных, практических мер из репертуара реабилитационной проблематики. Удалось ослабить ее связь с программой суверенизации Балкарии и с угрозой этнополитического раскола республики. Когда очередной этап съезда балкарского народа 17 ноября 1996 года предпринял попытку ее актуализации, она была решительно пресечена властями. Это стало возможным, прежде всего, потому, что он явно не располагал широкой поддержкой балкарского населения [История..., 2007, с. 496–498].

После этих событий проблема реабилитации балкарского народа, казалось, была вытеснена из сферы актуальной политики. Однако новым фактором ее актуализации стала реорганизация системы местного самоуправления в соответствии с федеральным законом № 131–ФЗ от 2003 г. То обстоятельство, что республиканский закон № 13–РЗ от 17 февраля 2005 г. «О статусе и границах муниципальных образований в КБР» в первоначальной редакции предусматривал сохранение в республике «межселенных территорий» трактовалось на «митинге балкарского народа» 28 мая 2005 г. в национальном аспекте: что «под видом межселенных территорий у балкарского народа изымаются земли его исторического проживания» [Обращение митинга..., 2005, с. 3]. Вновь был поднят вопрос о «полной реабилитации жертв политических репрессий, реабилитации репрессированных народов» [Резолюция митинга..., 2005, с. 3].

В результате событий 2005–2006 гг. сложился механизм актуализации историко-политического комплекса вопросов депортации и реабилитации балкарского народа, который в дальнейшем срабатывал в каждой ситуации обострения общественно-политической обстановки в республике. Вновь возникающие вопросы общественной жизни, например, муниципальной реформы, воспринимаются и интерпретируются в контексте широкого этноисторического понимания реабилитации.

Противоречия и спорные моменты немедленно актуализируют программу суверенизации Балкарии как единственную гарантию благоприятного разрешения «бытийных» проблем этноса.

Иначе выглядит структура политических отношений вокруг черкесского вопроса, занявшего заметное место в российской и международной политической публицистике 2000-х годов [Рябцев, 2012].

Условным рубежом, с которого фиксируются истоки нынешней актуализации «черкесского вопроса», можно считать середину 1980-х годов, когда наметился глубокий поворот в условиях существования черкесов в СССР и в Турецкой республике, связанный с либерализацией и демократизацией общественно-политической жизни [Beslenny, 2014]. Сразу же обозначились и основные тематические блоки, составлявшие структуру проблемы: необходимость осмысления характера и последствий военных действий Российской империи в ходе Кавказской войны как геноцида по отношению к адыгам (черкесам); юридическое обеспечение возможности репатриации адыгов диаспоры на историческую родину; в долгосрочной перспективе – возможность объединения части территорий трех субъектов РФ – Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, а также территории, населенной шапсугами Причерноморья, в единый субъект в рамках Российской Федерации – Черкессию [Нефляшева, 2012]. Основными в деятельности наиболее влиятельных кабардинских общественных организаций во второй половине 1980-х и 1990-е гг. являлись первые два блока проблем, тогда как третий оставался уделом активности маргинальных групп в виртуальном пространстве [Кушхабиев, 2013, с. 77–81].

В черкесской этнопублицистике современный «черкесский вопрос» прямо отождествляется с «трагическими проблемами черкесского народа», которые носят исторически заданный результатами Кавказской войны объективный характер. В исправлении такого положения, в преодолении последствий Кавказской войны усматривалась суть «черкесского вопроса». В начале 90-х гг. XX в. и Верховный Совет КБССР принял ряд нормативно-правовых актов по данной тематике. 30 августа 1990 г. было принято Постановление «Об установлении Дня памяти адыгов – жертв Кавказской войны и насильственного выселения за рубеж» (21 мая – день окончания Кавказской войны) [Постановление, 1990, с. 3]. 7 февраля 1992 г. – постановление «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны» [Постановление, 1992, с. 1]. 12 мая 1994 г. – «Обращение Парламента Кабардино-Балкарской Республики к Совету Федерации и Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации в связи с 130-летием со дня окончания Кавказской войны», в котором содержится призыв: «...дать правовую и нравственную оценку последствиям Кавказской войны, признать геноцид черкесского (адыгского) народа, всемерно способствовать в получении им статуса народа-изгнанника, оказать содействие потомкам депортированных адыгов, желающим возвратиться на свою историческую родину» [Обращение, 1994, с. 1].

К 2000-м гг. стало очевидно, что реального продвижения по основным аспектам «черкесского вопроса», как они определялись международным черкесским движением, достигнуто не было. Но за это время в черкесском мире произошли глубокие социально-демографические и культурные сдвиги. В активную общественную жизнь вступили новые поколения, сформировавшиеся в городской среде, более образованные и мобильные, владеющие современными информационно-коммуникационными технологиями, способные создавать сетевые сообщества. За несколько лет возник целый ряд новых организаций практически во всех странах проживания черкесов [Кушхабиев, 2012].

Общий ход политического процесса давал поводы для осуществления ими политических акций. Центральное место среди них заняло принятое в 2007 г. решение МОК о проведение зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи, причем российская сторона полностью игнорировала исторический фон и статус черкесов как коренного народа Восточного Причерноморья. Тема сочинской Олимпиады возникла в условиях, когда «черкесский вопрос» уже вступил в фазу обострения в связи с некоторыми другими событиями 2005–2006 гг. Решение поставленных в его рамках вопросов не могло быть внутриреспубликанским делом. В конечном счете, ответственность за трагическое прошлое и за решение проблем настоящего возлагалась на Российское государство. Некоторые активисты черкесского движения полагали, что адыги должны быть готовы отстаивать свои интересы: «А с кем их придется отстаивать — с русскими, грузинами, армянами, американцами — покажет жизнь» [«Черкесский вопрос»..., 2014, с. 57]. Резко негативная реакция со стороны общественных сил и публицистов, стоящих на российских державных позициях, была неизбежной. Адыгские общественные организации КБР заняли в завязавшейся дискуссии умеренную и вполне пророссийскую позицию, оценив как неконструктивные «попытки увязать XXII зимние Олимпийские игры в Сочи с трагическими событиями адыгской истории XIX века» [Меморандум..., 2011]. Сам по себе год Сочинской Олимпиады не был наполнен масштабными и остро звучащими событиями в Кабардино-Балкарии, где проживает большинство черкесского (адыгского) населения России. Но общий итог Сочинской Олимпиады с точки зрения развития «черкесского вопроса» остается амбивалентным. Что касается национальных чувств не только черкесских активистов, но и более широких слоев черкесского населения, можно констатировать разочарование холодным и отчасти манипуляторским отношением организаторов Игр и политического руководства к черкесам. «На нас как всегда наплевали», — отчеканил один из комментаторов. Речь идет, прежде всего, о церемонии открытия, построенной как историческое повествование, в котором «для черкесов места не нашлось» [Черкесский вопрос..., 2014]. Сохраняется присутствие в информационном пространстве темы признания геноцида черкесов в период Кавказской войны.

Таким образом, попытки придать актуальную политико-правовую «нормативность» тем или иным ключевым событиям, отношениям и символам прошлого представляет собой характерную черту кабардино-балкарской этнополитики. Интерпретации

и драмы историко-политического дискурса в концентрированном виде воспроизводятся в сознании и профессиональных занятиях гуманитарной интеллигенции, а публичное звучание и мобилизующий потенциал получают в активности национальных движений, которые являются носителями определенных этнополитических программ или проектов. И «балкарский» и «кабардинский» этнополитические проекты получают историко-политическую легитимацию либо по формуле «восстановления прав репрессированного балкарского народа (его реабилитации)», либо по формуле «восстановления» исторической Кабарды или всей Черкесии, разрушенной в результате Кавказской войны. Как историко-политические феномены они характеризуются сущностным сходством, будучи направлены на «преодоление последствий» определенных событий прошлого путем создания особых условий для отдельных этнических групп населения в настоящем. Помимо предметно-содержательной взаимосвязи эти проблемы объединяет их локализация в пространстве научно-исторического и общественного дискурса между полюсами конфликта и консенсуса. Выработка критериев коммуникативной рациональности, позволяющих в их обсуждении продвигаться к общественному консенсусу, является актуальной задачей, в решение которой должны внести свой вклад историки региона, объединяемые нормами и стандартами профессиональной научной деятельности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Азикова Ю.М. «Бои историй», или Использование исторических сюжетов и символов в общественно-политическом дискурсе современной Кабардино-Балкарии // *Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв.: материалы Международной научной конференции 6 декабря 2013 г., г. Ростов-на-Дону*. Ростов-н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. С. 86–105.

Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. 1944–2001: Документы, материалы, комментарии / Авт.-сост. Х.-М.А. Сабанчиев. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. 227 с.

Верховный Совет СССР. Декларация от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» // *Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс*. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=1687#0251672868616879> (дата обращения – 01 мая 2019 г.).

Декларация о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики // *Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Составитель и ответственный редактор И.Л. Бабич. Т. I–II. Т. I. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 59–64.*

Драгунский Д.В. Навязанная этничность // *Полис*. 1993. № 5. С. 24–30.

История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.

Казенин К. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М.: Издательский дом «Регнум», 2012. 176 с.

Кушхабиев А.В. Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2013. 224 с.

Кушхабиев А.В. Проблемы становления и политизации деятельности черкесских общественных организаций в Турции // *Известия КБНЦ РАН*. 2012. № 2 (46). С. 145–151.

Маремшаова И.И. Балкария и Карачай в этнокультурном пространстве Кавказа. Нальчик: «Эльбрус», 2003. 121 с.

Меморандум адыгских (черкесских) общественных организаций Кабардино-Балкарской Республики // *Познавательный-новостной портал «Северо-Кавказские новости»*. URL: <https://sk-news.ru/news/society/11494/> (дата обращения – 28 апреля 2019 г.).

Нефляшева Н. Черкесское национальное движение – общероссийский и международный контекст: общие подходы // *Кавказская политика. Сайт кавказского гражданского форума*. URL: <http://kavpolit.com/cherkesskoe-nacionalnoe-dvizhenie-vnutrirosijskij-i-mezhdunarodnyj-kontekst-obshhie-podhody/> (дата обращения – 30 мая 2012 г.).

Обращение митинга балкарского народа // *Балкария*. № 3 (17). Июль 2005. С. 3.

Обращение Парламента Кабардино-Балкарской Республики к Совету Федерации и Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации в связи с 130-летием со дня окончания Кавказской войны // *Кабардино-Балкарская правда*. 1994. 13 мая.

Офффе К. Этнополитика в восточноевропейском переходном процессе // *Полис*. 1996. № 2. С. 27–46.

Панарин С.А. Позиционно-исторические факторы Кавказской политики // *Полис*. 2002. № 2. С. 100–112.

Постановление Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР «Об установлении Дня памяти адыгов – жертв Кавказской войны и насильственного выселения за рубеж» // *Кабардино-Балкарская правда*. 1990. 6 сентября.

Постановление Верховного Совета Кабардино-Балкарской ССР «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны» (07.021992 № 977-XII-B) // *Кабардино-Балкарская правда*. 1992. 20 февраля.

Резолюция митинга, состоявшегося 28 мая 2005 г. на площади у Мемориала жертвам репрессий балкарского народа // *Балкария*. № 3 (17). Июль 2005. С. 3.

Рябцев В.Н. Черкесский вопрос, Олимпиада-2014 и политика Грузии на Кавказе (заметки политолога по следам событий). Ростов н/Д; Пятигорск: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2012. 384 с.

«Черкесский вопрос». Экспертный доклад / отв. ред. В.А. Тишков, сост. И.Л. Бабич. М.: ИЭА РАН. 2014. 91 с.

Черкесский вопрос в Сочи: Столица Олимпиады или земля геноцида? // *Интернет СМИ «Кавказский узел»*. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/238010/> (дата обращения – 30 марта 2014 г.).

Шхагапсоев З.Л., Тенгизова Ж.А., Урумов А.В., Хамуков А.В. Конституционная реформа в Кабардино-Балкарской Республике. Нальчик: Нальчикский филиал Краснодарского университета МВД России, 2011. 407 с.

Besleney Z.A. The Circassian diaspora in Turkey: a political history. London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2014. 204 p.

Ross M.H. Psychocultural Interpretations and Dramas: Identity Dynamics in Ethnic Conflict // *Political Psychology*. 2001. Vol. 22. № 1. Pp. 157–178.

REFERENCES

Azikova Ju.M. "Boi istorij", ili Ispol'zovanie istoricheskikh sjuzhetov i simvolov v obshhestvenno-politicheskom diskurse sovremennoj Kabardino-Balkarii ["Fights of Stories", or The Use of Historical Stories and Symbols in the Social and Political Discourse of Modern Kabardino-Balkaria], in *Metamorfoz vs Transformacija. Mul'tidisciplinarnyj podhod k izucheniju istorii adygov v XIX–XXI vv.: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 6 dekabrja 2013 g., g. Rostov-na-Donu* [Metamorphosis vs Transformation. A multidisciplinary approach to the study of the history of the Circassians in the XIX–XXI centuries: materials of the International Scientific Conference on December 6, 2013, Rostov-on-Don]. Rostov-n/D: SKNC VSh JuFU, 2013. Pp. 86–105 (in Russian).

Balkarcy: vyselenie, na specposelenii, rehabilitacija. 1944-2001: Dokumenty, materialy, kommentarii [The Balkans: eviction, at the special settlement, rehabilitation. 1944–2001: Documents, materials, comments] / Avt.-sost. H.-M.A. Sabanchiev. Nal'chik: Poligrafservis i T, 2001. 227 p. (in Russian).

Verhovnyj Sovet SSSR. Deklaracija ot 14 nojabrja 1989 goda "O priznanii nezakonnymi i prestupnymi repressivnyh aktov protiv narodov, podvergshihsja nasil'stvennomu peresele-niju, i obespechenii ih prav" [Supreme Council of the USSR. Declaration of 14 November 1989 "On the Recognition and Enforcement of the Rights of Peoples Subjected to Forced Displacement as Unlawful and Criminal Acts of Repression"], in *Nekommercheskaja internet-versija Konsul'tantPljus*. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cg i?req=doc;base=ESU;n=1687#0251672868616879> (accessed 01 May 2019).

Deklaracija o gosudarstvennom suverenitete Kabardino-Balkarskoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki [Declaration on State Sovereignty of the Kabardino-Balkan Soviet Socialist Republic], in *Jetnopoliticheskaja situacija v Kabardino-Balkarii* [Ethno-political situation in Kabardino-Balkaria] / Sostavitel' i otvetstvennyj redaktor I.L. Babich. T. I–II. T. I. M.: IJeA RAN, 1994. Pp. 59–64 (in Russian).

Dragunskij D.V. Navjazannaja jetnichnost' [The imposed ethnicity], in *Polis*. 1993. № 5. Pp. 24–30 (in Russian).

Istorija mnogovekovogo sodruzhestva: K 450-letiju sojuza i edinenija narodov Kabardino-Balkarii i Rossii [History of centuries long community: To 450th anniversary of the alliance and unity of the peoples of Kabardin-Balkaria and Russia]. Nal'chik: M. i V. Kotljarovs' Publ., 2007. 720 p. (in Russian).

Kazenin K. *Jelementy Kavkaza. Zemlja, vlast' i ideologija v severokavkazskih respublikah* [Elements of the Caucasus. Land, power and ideology in the North Caucasus republics]. M.: Izdatel'skij dom "Regnum", 2012. 176 p. (in Russian).

Kushhabiev A.V. *Problemy repatriacii zarubezhnyh cherkesov: istorija, politika, social'naja praktika* [Problems of repatriation of foreign Circassians: history, politics, social practice]. Nal'chik: Izdatel'stvo KBNC RAN, 2013. 224 p. (in Russian).

Kushhabiev A.V. Problemy stanovlenija i politizacii dejatel'nosti cherkesskih obshhestvennyh organizacij v Turcii [Problems of formation and politicization of Circassian social organizations in Turkey], in *Izvestija KBNC RAN*. 2012. № 2 (46). Pp. 145–151 (in Russian).

Maremshaova I.I. *Balkarija i Karachaj v jetnokul'turnom prostranstve Kavkaza* [Balkaria and Karachai in the ethno-cultural space of the Caucasus]. Nal'chik: "Jel'brus", 2003. 121 p. (in Russian).

Memorandum adygskih (cherkesskih) obshhestvennyh organizacij Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Memo of adyghe (circassian) public organizations of Kabardin-Balkar Republic], in *Poznavatel'no-novostnoj portal "Severo-Kavkazskie novosti"*. Available at: <https://sk-news.ru/news/society/11494/> (accessed 28 April 2019).

Nefljashaeva N. Cherkesskoe nacional'noe dvizhenie – obshherossijskij i mezhdunarodnyj kontekst: obshhie podhody [Circassian National Movement – All-Russian and International Context: Common Approaches], in *Kavkazskaja politika. Sajt kavkazskogo grazhdanskogo foruma*. Available at: <http://kavpolit.com/cherkesskoe-nacionalnoe-dvizhenie-vnutrirossijskij-i-mezhdunarodnyj-kontekst-obshhie-podhody/> (accessed 30 May 2012).

Obrashhenie mitinga balkarskogo naroda [Address of the rally of the Balkan people], in *Balkarija*. № 3 (17). Ijul' 2005. Pp. 3 (in Russian).

Obrashhenie Parlamenta Kabardino-Balkarskoj Respubliki k Sovetu Federacii i Gosudarstvennoj Dume Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii v svjazi s 130-letiem so dnja okonchanija Kavkazskoj vojny [Appeal of the Parliament of the Kabardino-Balkan Republic to the Federation Council and the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on the occasion of the 130th anniversary of the end of the Caucasus War], in *Kabardino-Balkarskaja pravda*. 1994. 13 maja (in Russian).

Offe K. Jetnopolitika v vostochnoevropskom perehodnom processe [Ethnopolitics in the Eastern European Transition Process], in *Polis*. 1996. № 2. Pp. 27–46 (in Russian).

Panarin S.A. Pozicionno-istoricheskie faktory Kavkazskoj politiki [Positional-historical factors of Caucasus politics], in *Polis*. 2002. № 2. Pp. 100–112 (in Russian).

Postanovlenie Verhovnogo Soveta Kabardino-Balkarskoj ASSR "Ob ustanovlenii Dnja pamjati adygov -- zhertv Kavkazskoj vojny i nasil'stvennogo vyselenija za rubezh" [Resolution of the Supreme Council of Kabardino-Balkan ASSR "On the Establishment of the Day of

Remembrance of Adygs – Victims of the Caucasus War and Forced Eviction Abroad”, in *Kabardino-Balkarskaja pravda*. 1990. 6 sentjabrja (in Russian).

Postanovlenie Verhovnogo Soveta Kabardino-Balkarskoj SSR «Ob osuzhdenii genocida adygov (cherkesov) v gody Russko-Kavkazskoj vojny» (07.021992 № 977-XII-V) [Resolution of the Supreme Council of Kabardino-Balkan SSR “On Condemnation of Genocide of Adygs (Circassians) during the Russian-Caucasus War”], in *Kabardino-Balkarskaja pravda*. 1992. 20 fevralja (in Russian).

Rezolucija mitinga, sostojavshegosja 28 maja 2005 g. na ploshhadi u Memoriala zhertvam repressij balkarskogo naroda [Resolution of the rally held on May 28, 2005 in the square near the Memorial to the Victims of Repression of the Balkan People], in *Balkarija*. № 3 (17). Ijul’ 2005. Pp. 3 (in Russian).

Rjabcev V.N. *Cherkesskij vopros, Olimpiada–2014 i politika Gruzii na Kavkaze (zametki politologa po sledam sobytij)* [Circassian question, Olympic Games–2014 and politics of Georgia in the Caucasus (notes of the political scientist on traces of events)]. Rostov n/D; Pjatigorsk: Izd-vo SKNC VSh JuFU, 2012. 384 p. (in Russian).

“Cherkesskij vopros”. *Jekspertnyj doklad / otv. red. V.A. Tishkov, sost. I.L. Babich* [“Circassian question”. Expert report. V.A. Tishkov, editor; compiled by I.L. Babich]. M.: IJeA RAN. 2014. 91 p. (in Russian).

Cherkesskij vopros v Sochi: Stolica Olimpiady ili zemlja genocida? [Circassian question in Sochi: Olympics capital or the land of genocide?], *Internet SMI “Kavkazskij uzel”*. Available at: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/238010/> (accessed 30 March 2014).

Shhagapsoev Z.L., Tengizova Zh.A., Urumov A.V., Hamukov A.V. *Konstitucionnaja reforma v Kabardino-Balkarskoj Respublike* [Constitutional reform in the Kabardino-Balkan Republic]. Nal’chik: Nal’chikskij filial Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii, 2011. 407 p. (in Russian).

Besleney Z.A. *The Circassian diaspora in Turkey: a political history*. London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2014. 204 p.

Ross M.H. Psychocultural Interpretations and Dramas: Identity Dynamics in Ethnic Conflict, in *Political Psychology*. 2001. Vol. 22. № 1. Pp. 157–178.

КОНФЛИКТЫ ЗА СТАТУС И «БОИ ЗА ПРОШЛОЕ» В ЧЕРКЕССКОМ СООБЩЕСТВЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

А.А. Тумов

Аннотация. В статье автор попытался представить свое видение круга проблем, представленных в дискуссии. В центре внимания эссе – отдельные сюжеты, связанные с установлением коммеморативных практик в адыгском сообществе Кабардино-Балкарии, и проявившийся в них конфликтный потенциал, выразившийся в конфронтации этнических активистов с тремя видами сконструированных «противников» – соседних этнических групп, ренегатов из своего же сообщества и представителей органов власти. Во всех случаях поводом к конфликту послужили претензии к толкованию и обращению с историческим прошлым и понятиями идентичности. При этом акцент делается на анализе активности антрепренеров в интернете – социальных сетях, блогах, форумах, новостных сайтах, где они реагируют на интересующие их вопросы и могут свободно выразить свое мнение. Теоретические основания для дискуссии заложены в первом разделе эссе, который стал основой для последующего повествования.

Ключевые слова: историческое прошлое, черкесский вопрос, этнополитика, социальный конфликт, Северный Кавказ, Кабардино-Балкария, историческая память, коммеморативные практики.

Тумов Аскер Асланбекович, инженер отдела грантов управления по научно-исследовательской и инновационной деятельности, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 360004, Россия, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173, tumovasker@gmail.com.

CONFLICTS OVER STATUS AND “BATTLES FOR THE PAST” IN THE CIRCASSIAN COMMUNITY OF KABARDIN-BALKARIA

A.A. Tumov

Abstract. The author attempts to present his vision regarding the discussed range of problems. The centre of the current essay is an array of cases that are attributed to the commemorations in public life of Adyghe (Kabardians) in Kabardin-Balkar Republic and their potential for conflict, which is represented by mere confrontation between ethnic activists with different kinds of “designed” rivals – adjacent ethnic communities, renegades from inwards, and public authorities. In each instance, pretext for the conflicts is different interpretation and comprehension of historical past or terms of social identity. The essay emphasizes activity of ethnic entrepreneurs on the Internet – social medias, blogs, forums, and news outlets, where they can freely comment and react to points of their interests. The first section of the paper comprises theoretical basis that became a foundation for the subsequent narration.

Keywords: historical past, Circassian issue, ethnopoltitics, social conflict, North Caucasus, Kabardin-Balkaria, collective memory, commemorations.

Tumov Asker A., Engineer of the Department of Grants, Department of Research and Innovation, Kabardino-Balkan State University named after H.M. Berbekov, 173, Chernishevsky st., Nalchik, Kabardino-Balkan Republic, 360004, Russia, tumovasker@gmail.com.

КОНФЛИКТ – SINE QUA NON ПАМЯТИ О ПРОШЛОМ

Возможно ли помнить о прошлом без конфликтов? На наш взгляд, для постановки релевантного ответа на вопрос необходимо абстрагироваться от бытующей в общественном дискурсе строго негативной коннотации понятия «конфликт». Современная теория социальных конфликтов описывает их как борьбу за ценности и привязания на определенный статус, власть и ограниченные ресурсы, что, в свою очередь, открывает нам простор для более детального погружения в проблему.

Во-первых, приведенное выше определение максимально широко включает в себя всю широту интеракций между индивидами и организациями на макро-, мезо- и микроуровне. Практически любое взаимодействие в социальном организме, рассчитанное на приобретение ресурсов и задействующее более чем одну сторону, может быть рассмотрено с этой точки зрения. Именно это позволило Р. Дарендорфу заметить, что «не наличие, а отсутствие конфликтов является чем-то удивительным и ненормальным» [Кольба, 2005, с. 5]. В полной мере это относится и к вопросу о степени влияния образов «прошлого» на современный общественно-политический дискурс. Мы можем с уверенностью утверждать, что межгрупповая дифференциация может провоцироваться как в условиях борьбы за материальные ресурсы, так и в связи с обострением чувства идентичности [Esses, 2010, p. 231]. Так, утверждение коммеморативных практик, представляющих из себя акты торжества и празднования, скорби и почитания памяти мертвых, автоматически возводит символический барьер между объектами коммеморации и «другими» участниками вспоминаемых событий. Происходящая в результате мобилизация внутригрупповой мобильности так или иначе является проявлением конфликта за символический ресурс – статус и авторитет социальной группы.

Другим важным свойством социальных конфликтов, имеющим непосредственное отношение к предмету обсуждения, является амбивалентность функций конфликта. Помимо очевидной деструктивной составляющей, выражающейся в применении насилия, конфликт несет в себе также группосозидающую функцию. Очерчивая границы, за пределами которых начинается «другая» группа, конфликт формирует «ткань идентичности» сообщества [Козер, 2000, с. 53–56]. Более того, исследования подтверждают прямую зависимость между предрасположенностью людей к категоризации и формированием стереотипов и предрассудков по отношению к представителям «других» социальных групп [Dovidio, 2010, p. 14]. Категоризация влияет на поведение и мироощущение индивидов, укрепляя групповую идентичность и «цементируя» представления людей об отличии их от «других».

Таким образом, негативный ответ на поставленный вопрос (о прошлом невозможно помнить без конфликтов) обусловлен совокупностью функций социального конфликта, условно разделенных на два блока. Во-первых, в утверждении практик «вспоминания» предков (в героическом либо трагическом ключе) заключается борьба за более высокий статус «своей» социальной группы по сравнению с «другой» группой – как правило, более высокая «статусность» обосновывается большим количеством побед, большим числом жертв, более развитым состоянием культуры и т.д. Во-вторых, сама природа социальной идентичности во многом

сформирована на основе конфликта – категоризируя мир, индивиды приписывают членам «своей» группы более высокие моральные качества, автоматически перенося их на «вспоминаемых» предков и обезчеловечивая соперников.

ИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИИ

Продолжая полемику о конструктивном и деструктивном в утверждении коммеморативных практик и их связи с политикой идентичности, необходимо помнить о том, что формализация и ритуализация прошлого – «изобретение традиции», – происходит в определенный момент усилиями государства, общественных движений либо лидеров мнений, быстро теряет свои объективные характеристики в общественном сознании и приобретает новые черты, основанные на эмоциональном отношении индивидов к прошлому своей социальной группы [Hobsbawm, 1983]. Как правило, в повседневном дискурсе это отражается фразами «наши предки всегда так делали», «так давно принято» и т.д. Таким образом, зародившиеся в относительно недавнее время культурные практики редуцируются на историческое прошлое.

Черкесские танцевальные игрища, известные в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее под названием «адыгэ джэгу», представляют из себя полуритуальные развлекательные мероприятия, в которых пары танцуют в соответствии со строго определенными правилами. Популярное мнение о «древности» адыгэ джэгу не выдерживает критики со стороны исследователей, которые утверждают, что современные игрища – симбиоз традиционных танцев адыгов и соседних кавказских этносов, творчества советских фольклорно-балетных ансамблей и попыток деятелей искусства «возродить» традиционные танцы в соответствии с изданным в 1991 г. трудом Б.Х. Бгажнокова «Черкесское игрище» [Zhemukhov, 2013, р. 294; Халилов, Шичепшина]. Первый адыгэ джэгу был проведен в Нальчике в 2005 г. в соответствии со строгим церемониалом, представлявшим из себя компиляцию описанных Б.Х. Бгажноковым танцевальных практик различных адыгских общин и используемых ансамблями приемов; в течение нескольких лет принятый церемониал стал непременным атрибутом празднеств в адыгской среде и воспринимается как наследие предков, а не новейшее веяние.

Трансформировавшиеся на глазах танцевальные практики стали важным атрибутом черкесской идентичности, способствовав еще большему ее очерчиванию и формированию нового фронта в конфликте адыгского и карачаево-балкарского дискурсов. Схожесть танцевальных культур обоих этносов стала поводом к взаимным обвинениям о «заимствованиях», «фальсификациях», «воровстве» движений и смысловой нагрузки танцев, которые стали обычным поводом для дискуссий на форумах и в соцсетях [Танцевальные фантазии]. Скорее всего, танцевальная культура карачаево-балкарцев претерпела такие же изменения, что естественно на протяжении длительного периода времени. В данном случае вызывает исследовательский интерес то, как коммеморативные практики и культурные трансформации вносят вклад в формирование этнической идентичности и способствуют образованию новой конфликтной зоны, основанное на спорах о прошлом.

ВРАГ В ОТРАЖЕНИИ

На протяжении длительного времени в социальных науках господствует мнение о том, что массовая культура представляет из себя один из основных механизмов «безопасного» высвобождения агрессивных побуждений, табуированных в иных социальных контекстах. Отчасти именно этим объясняется чрезмерная популярность боевиков и спортивных поединков, при просмотре которых зрители могут освободиться от фрустраций и выразить осуждаемые в других ситуациях агрессивные импульсы [Козер, 2000, с. 65–67]. Определенные сюжеты, связанные с обсуждением экранной культуры, позволяют выявить доселе незаметные грани представлений об историческом прошлом и соответствии ему настоящего.

В 2017–2019 гг. кабардино-балкарский кинематограф пополнился тремя фильмами – «Теснота», «Глубокие реки» и «Дылда», снятыми молодыми режиссерами К. Балаговым и В. Битоковым. Об их успехе свидетельствуют относительно высокие кассовые сборы, а также награды – приз Каннского кинофестиваля, приз кинофестиваля «Кинотавр» и выдвижение от России на премию «Оскар», соответственно. Оба режиссера снялись в популярном авторском шоу «вДудь» и были широко обсуждаемыми в северокавказской медиасфере персонажами, одновременно подвергаемыми шквалу критики.

Во-первых, большинство зрителей возмущала сюжетная составляющая фильмов. Притеснения над евреями со стороны кабардинской молодежи в Нальчике в 1990-е гг. («Теснота») и образ кабардинской семьи с показом пьянства одного из членов и откровенных сцен («Глубокие реки») были раскритикованы как не соответствующие действительности. Неполный дайджест реакций в социальных сетях, представленный на веб-сайте «Кавказский узел» [Фильм «Глубокие реки»], изобилует высказываниями об «аморальности» фильма «Глубокие реки», «позорящего кабардинский народ» и не отражающего «ни единой толики кабардинских обычаев, традиций и этикета». Во-вторых, критике подверглись отдельные высказывания режиссеров, в частности, из интервью К. Балагова, заявившего, что он «не чувствует себя кабардинцем», а также рассказавшего о межнациональных конфликтах в Нальчике [Слова Балагова]. Отрицание своей этнической принадлежности (вкпе с наличием татуировки на руке) вызвало особое возмущение комментаторов.

Приведенные выше эпизоды демонстрируют отношение сообщества к индивидам, воспринимаемым в качестве ренегатов, «манкуртов» (популярный термин в отношении не следующих этническим традициям отступникам, заимствованный из романа Ч.Т. Айтматова). Так же как угроза со стороны другой группы обостряет использование дискурсов идентичности, такая же реакция демонстрируется и в отношении ренегатства, символизирующего отказ от ценностей и норм, считающихся жизненно важными для благополучия группы, и потому угрожающего самому единству сообщества.

ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ БАРРИКАД

Еще один эпизод из политической жизни Кабардино-Балкарии проливает свет на один из вариантов развития отношений государства с этническими активистами. В 1990-е гг. в республике была чрезвычайно популярна этноориентированная общественная организация «Адыгэ Хасэ», которая оказывала значительное влияние на политический процесс, однако в 2000 г. власти сумели сместить ее руководство и лишить организацию самостоятельности, превратив ее, как и Международную Черкесскую Ассоциацию, в идущих в фарватере государственной политики лоялистов [Боров, 2012, с. 27]. С течением времени пространство оппозиционных черкесских организаций оказалось заполнено новыми институциями, по-прежнему с подозрением относящихся к действиям властей. В сложившейся ситуации черкесские общественные организации оказались разбиты на два лагеря – аффилированные с российскими (точнее, кабардино-балкарскими) властями «Хасэ» и МЧА, с одной стороны, и противопоставляющие себя им молодые объединения, с другой. Деятельность тех и других, взгляды на модели воспроизведения коммеморативных мероприятий, на оценку исторического прошлого могут кардинально различаться.

Ярким примером неприятия попытки государства утвердить новую коммеморативную практику стало объявление 20 сентября Днем адыгов (черкесов) в Кабардино-Балкарии. Устанавливающий эту дату праздником Указ Главы КБР не содержал определенного исторического обоснования, и ряд этнических активистов, представлявших адыгские общественные организации, подвергли критике праздник, сравнив его с «симулякром» и «даром данайцев», призванным отвлечь внимание от поминальных акций 21 мая и 10 октября, давно утвердившихся в общественном сознании как «истинные» даты [Прасолов, 2017]. Анализ публикаций в социальных сетях Instagram и Facebook, в которых сосредоточена большая часть про-черкесских аккаунтов, демонстрирует протест активистов против «инфляции» поминальных практик и призывы к игнорированию праздника.

Стремление государственных инстанций поставить под свой контроль менеджмент коммеморативных мероприятий, очевидно, вызывает раздражение со стороны общественных структур и даже провоцирует рост оппозиционных настроений. Будущие события показали степень этого недовольства, когда во время Кенделенского конфликта 2018 г., стоившего руководителю республики должности, адыгские общественники не раз заявляли о враждебности правительственного курса по отношению к ним [Соколов]. По всей видимости, взаимоотношения между органами власти, пытающимися распространить свое влияние на этническую сферу через «ручные» организации, и большинством активистов получат дальнейшее развитие в ближайшем будущем, когда новое руководство республики будет вынуждено отреагировать на планируемые к проведению в 2020 г. акции 21 мая и 10 октября.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Социальные конфликты на Северном Кавказе для стороннего наблюдателя представляются проявлениями простых межэтнических трений. Тем не менее, более приближенный анализ показывает, что на самом деле конфликтное поле в одном регионе представляет из себя амальгаму разнообразных коллизий, в которых сталкиваются интересы огромного количества акторов — как индивидов, так и организаций вплоть до государственного уровня. Причинами этих коллизий выступают самые разнообразные факторы, но все они так или иначе связаны с борьбой политических антрепренеров за ресурсы, и, как показывает практика, схватки за получение нематериальных ресурсов, примеры которых были приведены выше, влияют на политическую ситуацию и формируют политический процесс в регионе в не меньшей степени, чем борьба за экономические активы. Тем не менее, как уже говорилось в первом разделе данного эссе, социальные конфликты суть не аномалия, а естественный способ интеракций индивидов, в ходе которых формируются и активизируются институты для разрешения будущих коллизий. От того, как именно будут разрешены нынешние противоречия, зависит будущее стабильного развития Кабардино-Балкарии, как и любого другого субъекта Северного Кавказа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Боров А.Х. «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2012. 55 с.
- Козер Л.А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О. Назаровой; Под общ. ред. Л.Г. Ионина. М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. 205 с.
- Кольба А.И. «Современный социальный конфликт» полтора десятилетия спустя // *Человек. Сообщество. Управление*. 2005. № 1. С. 5–15.
- Прасолов Д.Н. Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии // *Неприкосновенный запас*. 2017 № 2. С. 67–82.
- Слова Балагова о кабардинской идентичности возмутили пользователей соцсетей. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/306584/> (дата обращения — 30 января 2020 г.).
- Соколов Д.И. Канжал в спину губернатора. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/325671/> (дата обращения — 30 января 2020 г.).
- Танцевальные фантазии. URL: <https://prabdarubka99.livejournal.com/569.html> (дата обращения — 30 января 2020 г.).
- Фильм «Глубокие реки» поднял вопрос об использовании национальных языков в кино. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/327287/> (дата обращения — 30 января 2020 г.).
- Халилов Б. Шичепшин, ионика и колониализм: краткий гид по новой традиционной музыке Кавказа. URL: <https://knife.media/caucasian-music/> (дата обращения — 30 января 2020 г.).
- Dovidio J.F., Hewstone M., Glick P., Esses V.M. Prejudice, Stereotyping, and Discrimination: Theoretical and Empirical Overview // *The SAGE Handbook of Prejudice, Stereotyping and Discrimination*, edited by Miles Hewstone, et al. SAGE Publications, 2010. Pp. 3–28.

Esses V.M., Jackson L.M., Bennett-AbuAyyash C. Intergroup Competition // *The SAGE Handbook of Prejudice, Stereotyping and Discrimination*, edited by Miles Hewstone, et al. SAGE Publications, 2010. Pp. 225–240.

Hobsbawm E. Inventing the Tradition // *The Invention of Tradition* / Edited by E. Hobsbawm and T. Ranger. New-York: Cambridge University Press, 1983. Pp. 1–14.

Zhemukhov S., King Ch. Dancing the Nation in the North Caucasus // *Slavic Review*. 2013. № 2. Pp. 287–305.

REFERENCES

Borov A.Kh. "Cherkesskii vopros" kak istoriko-politicheskii fenomen ["Circassian Issue" as a Historical and Political Phenomenon]. Nal'chik: Izdatel'stvo KBNTs RAN, 2012. 55 p.

Kozer L.A. *Funktsii sotsial'nogo konflikta* [The Functions of Social Conflict]. Moscow.: Dom intellektual'noi knigi: Ideya-press, 2000. 205 p.

Kol'ba A.I. "Sovremennyi sotsial'nyi konflikt" poltora desyatiletiya spustya [The Modern Social Conflict], in *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2005. № 1. Pp. 5–15.

Prasolov D.N. Kommemorativnye praktiki v sovremennoi Kabardino-Balkarii [Commemorative Practices in Contemporary Kabardino-Balkaria], in *Neprikosnovennyi zapas*. 2017. № 2. Pp. 67–82.

Slova Balagova o kabardinskoi identichnosti vozmutili pol'zovatelei sotssetei [Balagov's Words about Kabardian Identity Disturbed Social Network Users]. Available at <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/306584/> (accessed 30 January 2020).

Sokolov D.I. Kanzhal v spinu gubernatoru [Kanzhal/Dagger in the Governor's Back]. Available at <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/325671/> (accessed 30 January 2020).

Tantseval'nye fantazii [Dancing Fantasies]. Available at <https://prabdarubka99.livejournal.com/569.html> (date of access: 30.01.2020).

Fil'm "Glubokie reki" podnyal vopros ob ispol'zovanii natsional'nykh yazykov v kino ["Deep Waters" Raised a Question of Using National Languages in Cinematography]. Available at <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/327287/> (accessed 30 January 2020).

Khalilov B. Shichepshin, ionika i kolonializm: kratkii gid po novoi traditsionnoi muzyke Kavkaza [Shichepshin, Ionics, and Colonialism: A Short Guide on Contemporary Caucasian Folk Music]. Available at <https://knife.media/caucasian-music/> (accessed 30 January 2020).

Dovidio J.F., Hewstone M., Glick P., Esses V.M. Prejudice, Stereotyping, and Discrimination: Theoretical and Empirical Overview, in *The SAGE Handbook of Prejudice, Stereotyping and Discrimination*. Ed. by Miles Hewstone, et al. SAGE Publications, 2010. Pp. 3–28.

Esses V.M., Jackson L.M., Bennett-AbuAyyash C. Intergroup Competition, in *The SAGE Handbook of Prejudice, Stereotyping and Discrimination*. Ed. by Miles Hewstone, et al. SAGE Publications, 2010. Pp. 225–240.

Hobsbawm E. Inventing the Tradition, in *The Invention of Tradition*. Ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. New-York: Cambridge University Press, 1983. Pp. 1–14

Zhemukhov S., King Ch. Dancing the Nation in the North Caucasus, in *Slavic Review*. 2013. № 2. Pp. 287–305.

ПОПУЛЯРНАЯ ГЕОПОЛИТИКА В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ MEMORY STUDIES: МЕТОД И ПЕРСПЕКТИВЫ

В. Струков

Аннотация. Понятия «память» и «прошлое» рассматриваются в контексте неолиберальной экономики и популярной культуры, как главной арены производства идеологий. В качестве продуктивного направления исследования коммеморативных практик представлена дисциплина популярной геополитики, которая обращается к проблеме формирования политических, социальных и культурных аспектов памяти. Обосновывается тезис о том, что современная академическая наука должна переизобрести себя для того, чтобы сохранить свой авторитет в дебатах о прошлом, в том числе, путем переориентации на изучение популярной культуры.

Ключевые слова: познание, неолиберализм, популярная культура, популярная геополитика, коллаборативные исследования.

POPULAR GEOPOLITICS IN THE SUBJECT FIELD OF MEMORY STUDIES: METHOD AND PROSPECTS

V. Strukov

Abstract. In the essay the notions of memory and the past are presented in the context of neoliberal economics and emergence of popular culture as the chief arena of production of ideologies. As an emerging inter-discipline, popular geopolitics addresses political, social and cultural aspects of remembering. It is argued, that modern academia must re-invent itself in order to maintain its authority in debates about the past, including a re-orientation towards a study of popular culture.

Keywords: cognition, neoliberalism, popular culture, popular geopolitics, collaborative research.

Наверное, без конфликтов, память о прошлом была бы неинтересна. Шутка. На самом деле первый вопрос дискуссии — о структуре знания, в частности, его темпоральной организации. Есть множество определений прошлого, но одно очевидно, что это наименование когнитивного процесса, в основе которого лежит способность воспроизводить и конструировать миры, удаленные от нас по времени. Скольжение во времени и является причиной конфликтов, в том числе конфликтов субъекта с самим собой. Воспоминание о прошлом обусловлено контекстом и самим субъектом, его качествами, его опытом. Они состоят из конфликтных ситуаций — конфликта с окружением, с семьей, собственными желаниями — а значит, помнить — это постоянный процесс разрешения конфликтов. Это процесс, который не может быть завершен. Я, конечно, имею в виду конфликты процессуальные, когнитивные. Конфликты политические, военные, как мы знаем, эксплуатируют прошлое, память для достижения тактических целей. Следовательно, изучение такого рода конфликтов — задача политологии, а не истории, или культурологии.

Я заметил, что в более консервативных обществах юбилеи любят больше. Например, в России это целая культура, традиция, которая регламентирует жизнь человека (дни рождения и круглые даты), медийное производство (юбилейные концерты), академический дискурс (конференции к круглой дате, юбилейные публикации), политику государства (военные юбилеи). Кажется, что в более прогрессивных обществах большая степень индивидуализации и уход от системы памятных дат. (Замечание: можно ли считать общества, основанные на неолиберальной идеологии, прогрессивными — тема для отдельного разговора.) На самом деле, индустрия памятных дат в таких обществах вынесена в поле потребления: переиздание комиксов Марвел может быть системой ориентации в США, так же как юбилей Аллы Пугачевой в РФ. Я думаю, было бы интересно проследить динамику развития на примере России для того, чтобы понять как неолиберальные реформы влияют на социокультурные традиции.

В последнее время «популярная культура» стала объектом пристального рассмотрения в научном дискурсе. Речь идет не только о традиции Cultural Studies, а о новом осмыслении институтов, акторов и потоков популярной культуры в эпоху цифровых коммуникаций, социальных медиа и т.д. В таких исследованиях популярная культура — это не проводник существующих идеологий, различий и конфликтов, а поле, в котором они создаются, а уже потом транслируются в другие сферы. Пространственный и политический анализ популярной культуры находится в поле зрения новой дисциплины — популярной геополитики. Как явствует из названия, популярная геополитика изучает то, какими средствами популярная культура формирует представления о мире, национальных государствах, международных организациях и других институциях, процессах и знаках. Речь идет о национальных стереотипах, национальных символах, брендах, и иных формах различия, которые существуют в неолиберальной экономике и идеологии. Это самый очевидный ряд значений, которым занимается данная дисциплина. Популярная геополитика также рассматривает глубинные проблемы, споры и конфликты, которые

«прорываются» в популярной культуре. Например, в последнее время произведенные в Скандинавии триллеры и детективные истории – нордический нуар – стали невероятно популярны в западном мире. Что это означает? Почему именно сейчас? Для меня ответ на эти вопросы заключается в том, что эти телесериалы показывают отличную от неолиберальной модель общества – более демократически организованного, более горизонтального. Это общество, в котором еще сохранились социальные гарантии. Таким образом, нордический нуар противопоставляет себя неолиберальной модели, представленной в голливудском кино. Пик популярности скандинавских сериалов приходится на конец 2000-х – начало 2010-х гг., то есть период, когда разразился глобальный экономический кризис и стало понятно, то неолиберальная модель капитализма оказалась неустойчивой. Я хотел бы подчеркнуть, что речь идет не об отражении экономических и политических процессов в популярной культуре. Этим занимались разные академические дисциплины в XX в. Скорее речь идет о том, как популярная культура становится новым информационным полем, на котором формируются новые смыслы, а уже потом мы начинаем замечать как они воплощаются в социальной действительности. Критически осмыслить механизмы функционирования популярной культуры под таким углом и является целью популярной геополитики как дисциплины. Более подробно ряд исследований в этом направлении представлены в недавно вышедшем сборнике, в качестве редактора-составителя которого я выступил совместно с Р. Сандерсом [Popular Geopolitics, 2018].

Задача дифференцировать роли и функции государства и общества в коммеморативных практиках, на мой взгляд, отражает устаревший подход в оценках социальных взаимодействий. Своими корнями такое противопоставление уходит в европейскую философию, а значит, продолжает стратегии колонизации знания, ценностей и впечатлений. Также оно имеет четкую ассоциацию с советским прошлым, а значит, есть перенос дискурсивных и идеологических моделей в настоящий момент. В эпоху цифровых технологий и горизонтальных связей, более уместно говорить о роли разных мнемонических акторов, такие, например, как международные корпорации, медиа институты, частные музеи и институции. На мой взгляд, их роль недооценена в современной классической науке. В действительности они формируют повестку за счет разного вида влияний, кампаний и лоббирования. Деятельность государства рассматривается вследствие того, что оно формализует процесс. Является ли оно главным актором в XXI в. – для меня это открытый вопрос. Таким образом, следует говорить о множественной, а не бинарной модели формирования «запросов» на прошлое в современном мире.

Оценка соотношения общественного дискурса и академической полемики в «боях а историю» представляет очень сложный вопрос. Глобальная академическая наука, особенно ее гуманитарные направления, сейчас переживают тяжелый кризис. У этого есть несколько причин, например, развитие неформальных институтов знания, потеря доверия к фактам и «правде», сомнение в целесообразности гуманитарного образования с точки зрения будущей профессии, сокращение финансирования

исследований, перевод публикаций в режим открытого доступа и т.д. В этой связи возникает много вопросов о роли академии в целом. К сожалению, роль и ответственность public intellectual больше не устраивают общественность. Есть заказ на решение конкретных проблем, участие в разработке программ, а не только отстаивание критической позиции. Такое движение иногда получает странные формы – например, так называемый impact, который получил распространение в Британии. Это почти советская система учета влияния науки на экономику, общество, институты и проч. Между тем есть удачные опыты сотрудничества, коллабораций и разного рода креативных взаимодействий. На символическом уровне, академическая наука, как любой другой институт, должна быть открыта для общественного дискурса. Контрольно-пропускная система на входе в университет – плохой жест. В этой связи вопросы памяти, общественного регулирования, режимов поминовения – это не только повод для анализа, но и возможность участия в общественном дискурсе. Получается, здесь двойная задача и потенциальное решение: переизобрести академию путем ответа на поставленный вопрос о роли академии в дискуссии о прошлом и памяти.

REFERENCES

Popular Geopolitics. Plotting an Evolving Interdiscipline, 1st Edition / Edited by Robert A. Saunders, Vlad Strukov. Routledge, 2018. 256 p.